

НАШИ ЛЮДИ В ГОЛЛИВУДЕ

ЕЛЕНА МИЩЕНКО
АЛЕКСАНДР ШТЕЙНБЕРГ

ОРХИДЕЯ ИЗ СТАЛИ МАРЛЕН ДИТРИХ

Серия «Наши люди в Голливуде» — это сложные и увлекательные биографии крупных деятелей киноискусства — эмигрантов и выходцев из эмигрантских семей. Это рассказ о людях, которые, несмотря на трудности эмигрантской жизни, достигли вершин в своей творческой деятельности и вписали имена в историю мирового кинематографа.

Начав актерскую карьеру в Германии, став впоследствии супер-звездой в Голливуде, Марлен Дитрих (1901–1992) — блестящая актриса, певица, секс-символ своей эпохи, создала уникальный кинематографический образ женщины, перед которой преклонялись, проклинали и восторгались.

Во время Второй мировой войны Дитрих выступала с концертами перед американскими солдатами, не боясь попасть под град пуль и снарядов.

Ее необычная судьба, преданность искусству, обаяние и ореол вызывают подлинный интерес и в наше время.

Иллюстрации Александра Штейнберга.

**Елена Мищенко
Александр Штейнберг**

ОРХИДЕЯ ИЗ СТАЛИ
Марлен Дитрих (Marlene Dietrich)

«Марлен Дитрих! Твое имя, которое вначале звучит как ласка, оканчивается как щелканье бича. Одета ли ты в перья или меха, они выглядят на тебе, словно это неотделимая часть твоего тела. Секрет твоей красоты заключен в глубине твоего сердца. Твоя красота не нуждается

в восхвалении. Она сама поет о себе. Я хочу приветствовать не столько твою красоту, сколько твою душу. Она светится в тебе, как луч света в морской воде. Ты — жар-птица, легенда — чудо — МАРЛЕН ДИТРИХ!»

Так говорил о ней великий Жан Кокто — художник, писатель, поэт, вошедший в число «бессмертных» французов.

Ее утонченность и элегантность воспевали Ремарк и Хемингуэй, ее актерский талант вдохновлял Джозефа фон Штернберга и Орсона Уэллса, в нее были влюблены самые знаменитые и влиятельные мужчины 20-го века.

Ее имя, облик и голос стали своего рода символом роковой власти женских чар. *Femme fatale*, — непроницаемая, ледяная, длинноногая Венера с нарисованными дугами бровей и презрительным взглядом холодных, ясных глаз. Она как никто знала цену сценическому облику, она сотворила свой имидж.

Зал трепетал, когда она сходила по ступеням длинной лестницы в невероятном «голом» платье от Жана Луи. Казалось, что блески нашиты прямо на кожу. Это она придумала вентилятор на рампе, который заставлял трепетать тонкую ткань, а она медленно с Олимпа, небрежно волоча за собой роскошные меха. Одно из платьев, переливчатое, из черного стекларуса, она окрестила

«угрем», — оно сопровождалось трехметровым шлейфом, на который пошел пух двух тысяч лебедей. Марлен добивалась совершенства во всем — ее примерки длились восемьдесят часов. Она стояла неподвижно, лишь меняя сигареты в мундштуке и указывая куда нужно пришить блеску. «Дитрих была кошмаром и праздником», — вспоминают ее портнихи и стилисты.

Ее превозносили и очерняли, ей завидовали и подражали. Совершив переворот в кино, моде, общественной жизни, сокрушив нравы и устои, она являла собой тип прекрасной женщины огромной силы духа, преодолевшей отчаяние одиночество. Она никогда не разрешала себе расслабиться. Будучи уже в преклонном возрасте, отработав двухчасовой концерт, она парила распухшие ноги в соленой воде, вновь надевала туфли на высоком каблуке, взбиралась на крышу машины и раздавала автографы.

Во время войны голос Марлен — отважной антифашистки — звучал на фронтах войны, она выступала перед солдатами, воюющими против фашизма, не боясь пуль, лишений, окопной жизни. Она сменила свой роскошный звездный имидж на пилотку и сапоги, и это шло ей не меньше чем перья и блески. Марлен получила две ценные награды за участие в войне: американскую «Медаль

Свободы» и французский орден «Почетного легиона».

«Орхидеей из Стали» называл ее Эрих Мария Ремарк, он знал и чувствовал ее лучше и тоньше других, ведь не зря Марлен стала прототипом главной героини его знаменитого романа «Триумфальная арка».

Потрясающий жизненный спектакль, сопровождавшийся аплодисментами и улюлюканьем под названием «Марлен Дитрих» длился больше семи десятилетий. В нем было все — триумф, трагедии, отчаяние, одиночество, вулкан страстей и... ужасающее предательство самого близкого человека — дочери.

Ее книгу, которая выставила на продажу самое интимное, самое тонкое что было в Великой Актрисе, прочла Марлен. Прочла — и не смогла дальше жить. Это был точный удар. В самое сердце. Последние десять лет, вплоть до смерти, последовавшей 6 мая 1992 года, она не допускала в свою жизнь репортеров. Она всегда не любила газетчиков, журналистов, падких на дешевые сенсации. Лишь после ее смерти репортеры смогли проникнуть в ее парижскую квартиру на авеню Монтень где она провела последние годы.

Она предпочла сама рассказать о себе, оставив нам книгу, свои раздумья, откровения.

«Слишком много невероятного было написано обо мне, и часто с одной целью — заработать деньги. Я никогда не имела возможности воспрепятствовать этим публикациям... Все так называемые «биографы», к сожалению, не обладали приличием — они даже не пытались связываться со мной, когда писали эти «книги», у них не было ни чести, ни достоинства.

Я лично неохотно говорю о себе, но, видя всеобщий интерес к моей жизни, взялась за перо, чтобы позднее люди не спорили о том, как все было на самом деле. И я смогу быть уверена, что те события, которые определили мою жизнь, получат правильное толкование», — пишет Марлен Дитрих в предисловии к своей книге.

Мы пойдем вслед за ней. Марлен Дитрих будет нашей путеводной звездой, мы забудем о ее страданиях, о мучительных болях в плохо прооперированной ноге. Больная, старая, одинокая женщина опять превратится в ту, какой она всегда являлась публике в лучах софитов — легендарную, божественно прекрасную **МАРЛЕН ДИТРИХ**.

МУТТИ

«Мария Магдалена Дитрих родилась 27 декабря 1901 года в Шенберге, предместье Берлина в семье бравого офицера полиции Луиса Эрих Отто

фон Дитриха и его жены Вильгельмины Элизабет Джозефины Фельзинг», — так написано в официальных документах.

На фотографии 1898 года они сняты вдвоем — пока еще жених и невеста. Луис с лихо закрученными вверх усами, в парадном мундире, правая рука заложена за спину, левая почивает на эфесе сабли. Его невеста в нарядном белом платье с рукавами-буфами, талия затянута в рюмашку, хорошенькое курносое личико привлекает женственностью и доверчивым взглядом.

Фройляйн Вильгельмина Элизабет Джозефина Фельзинг была типичной «девушкой из хорошей семьи». В это понятие входило многое: это означало, что она следует воле родителей, не требует от жизни большего, чем она может предоставить. Было ясно, что она будет верно исполнять свой долг жены и матери, образцово вести хозяйство, следуя святым заповедям немецкой домохозяйки: *Kinder, Kuche, Kirche*.

Джозефина была дочерью богатого ювелира. Клиентами магазина «Фельзинг», расположенного на одной из самых респектабельных улиц Берлина Унтер дер Линден, были уважаемые и солидные люди.

Они поженились когда ей было 22 года, ему — 30. Молодожены поселились в новом красивом доме, который был расположен в живописном

пригороде Берлина — Шенберге. Место, и в самом деле, было красивым: много зелени, цветов, аккуратные клумбы, очаровательные домики с черепичными крышами. Они были счастливы.

Появление первого ребенка — дочки Элизабет не заставило себя долго ждать. Правда, Луис был несколько разочарован — он мечтал о сыне — но, в конце концов — какая разница!

С рождением дочки между супругами установились несколько иные, более прохладные отношения. Луис считал выполненным свой долг, и все реже открывал дверь в супружескую спальню. «Мутти» — как теперь он называл свою жену, чувствовала одиночество и некоторое разочарование в браке. Ведь она была еще так молода...

Однако редкие визиты мужа принесли свои плоды, и утром 27 декабря 1901 года после очень трудных родов Джозефина родила вторую дочь.

Хрупкое крохотное создание показалось матери верхом совершенства. Ее кожа была смуглой, глаза — бездонными. «Сможет ли она найти свое место в этом мире, защитить себя, какая участь ей уготована?», — думала Джозефина, осторожно прижимая к себе малышку.

Она решила назвать ее Мария Магдалена. Была ли это просьба к Всевышнему о милосердии или предчувствие?

Девочки — Лизель и Лена — так сокращенно звали Марию Магдалену — получили прекрасное воспитание. Гувернеры, преподаватели музыки, иностранных языков, обширная библиотека — все это помогло Марлен в будущем. Обе прекрасно успевали в школе, Лизель обожала свою младшую сестру, помогала ей во всем, была ее верным и преданным другом.

Мутти составила для них строгий распорядок дня, в котором почти не было свободного времени. Придя из школы, девочки, переодевшись в домашнюю одежду, два часа делали уроки, затем начинались занятия музыкой — час игры на скрипке, час — на фортепьяно. После этого — обед, который ели в полной тишине, затем разговорная практика в английском и французском с гувернерами и лишь к вечеру им предоставлялось свободное время — полчаса. Эти тридцать минут они были вольны делать все что хотят. В основном это было чтение любимых книг. Затем наступал час вечерней молитвы и сон.

И все-таки они были разными — Лизель и Лена. Лизель была мечтательной, сентиментальной, любила мелодичную музыку, поэзию. У Лены была страсть — Франция. Она блестяще говорила по-французски, самым большим праздником для нее был День взятия Бастилии — 14 июля.

Любимой учительницей в школе была преподаватель французского мадмуазель Бреган.

Любовь к Франции Марлен пронесла сквозь всю жизнь, она была преданным другом французов, помогала бойцам Сопротивления. Французское правительство по достоинству оценило ее помощь — Марлен Дитрих была награждена самой высокой наградой — орденом Почетного Легиона.

Ей было 13, когда она решила изменить свое имя. Имя отца Луи звучало как имя французского короля, вот и ее имя должно звучать по-французски. Девочка исписывает множество листов бумаги, стремясь найти наилучший вариант.

Marie Magdalene — это неплохо, в конце обоих имен она поставила гласную «Е», это позволит называть ее Мари, вместо Мария, но и это ее не устраивало. А что если соединить оба имени, вот, например *Marialena*? Уже лучше.

Но все еще не то! Она произнесла вслух: «Марлена». Звучит красиво, но имя ей все еще не нравилось. В корзину для бумаг полетели новые листки. Идея! Нужно вместо последней буквы «А» поставить «Е» и убрать еще две буквы. Она написала большими буквами MARLENE. Произнесла громко. Ей понравилось. А ну-ка, как звучит теперь полное имя? МАРЛЕН ДИТРИХ. Наконец-то она нашла то, к чему стремилась. Так, в 13 лет она придумала свое новое имя — МАРЛЕН.

Все события своей жизни Марлен, а она теперь признавала только это имя — записывала в красивой толстой тетради в кожаном переплете, который подарила ее тетя Валли. «Эта тетрадь будет твоим лучшим другом. Записывай туда все самое важное и интересное», — сказала она. До конца жизни Марлен Дитрих вела свои дневники.

Разразившаяся в 1914 году война резко изменила жизнь семьи Дитрих. Луис ушел на фронт, с которого он уже не вернулся. В 1916 году он получил тяжелое ранение, Мутти поехала к нему «чтобы облегчить страдания» раненого мужа и вернулась вдовой. Черная вуаль и глухое черное платье стали ее постоянным нарядом.

В 1917 году руки Джозефин попросил офицер полка гренадеров Эдуард фон Лош, он был близким другом погибшего Луиса. Джозефина ответила согласием.

Эдуард фон Лош был замечательным человеком, он был всегда готов помочь друзьям, не требуя ничего взамен. Он любил Джозефин не ожидая ответного чувства, он удочерил девочек. Его семья была против этой женитьбы, считая, что совершается неравный брак. Но со временем эти противоречия исчезли. Девочки не присутствовали на брачной церемонии. Лизель и Марлен все еще соблюдали траур по их настоящему отцу. Мутти изменила фамилию — теперь она стала фон Лош, а

Марлен до конца жизни сохраняла фамилию своего отца — Дитрих. Эдуард перевез свою новую семью в Берлин, в красивый новый дом. Он обожал своих «девочек», — Джозефину и дочерей, но война забрала и его. К сорока годам Джозефина второй раз овдовела.

С той поры жизнь резко изменилась в семье Дитрих. Казалось, война никогда не кончится. Изысканные блюда, воздушные десерты заменила брюква и подсахаренная вода. Но Мутти не сдавалась — она не отменила занятия, режим дня оставался точно таким же. Девочки по-прежнему занимались музыкой, скрипка и фортепьяно звучали в доме, только пьесы становились все сложнее. Мутти всегда была для девочек крепостью, противостоящей всем бурям. «Долг превыше всего», — повторяла она, и неуклонно следовала этому правилу.

«Мне повезло: у меня было чудесное детство. Даже несмотря на то, что мы нуждались, что я потеряла отца — юность моя была прекрасна. Я продолжала свое образование, меня научили обходиться без «хороших вещей». И я окончила школу получив хорошее воспитание», — вспоминала Марлен Дитрих.

БЕРЛИН. РУДОЛЬФ ЗИБЕР

Послевоенный Берлин был удивительным городом. Казалось, люди, уставшие от военных невзгод, стремительно старались получить все возможные жизненные удовольствия. Эти годы вошли в историю под названием «золотые двадцатые». Вдруг как грибы после дождя, возникли бесчисленные кабаре, кафе, театрики, киностудии. Все кружилось, звенело, блистало в сумасшедшем ритме. Ночь слилась с днем. Самые разнообразные типажи появились на улицах.

Геи и лесбиянки, трансвеститы поражали немыслимой яркостью нарядов. Часто можно было увидеть разукрашенных молодых людей, пол которых невозможно было определить. Все было дозволено, не существовало никаких запретов. Марлен участвовала в этом сумасшедшем карнавале. В то время в Берлине огромной популярностью пользовался бар Excelent. Туда приходили накуренные мужчины с подкрашенными губами. Как-то Марлен появилась в Excelent во фраке, с моноклем в глазу. Фрак ей шел, на нее сразу обратили внимание. Впоследствии она шокировала мужскими костюмами Париж, Америку, — ей подражали, ее ненавидели, ее обожали.

...Марлен решила посвятить себя театру. Конечно, Джозефина была против. Она считала, что театр — прямая дорога в ад. Но Марлен настояла на своем. Она решила, что если не может стать великой скрипачкой — у нее была серьезная травма руки —, то обязательно будет великой театральной актрисой.

Она решила учиться театральному искусству в знаменитой школе Макса Рейнхардта. Для вступительного экзамена она выбрала фрагмент из «Фауста» Гете — молитву Маргариты. Она так тщательно и долго репетировала этот фрагмент стоя на коленях, что в результате они распухли и начали кровоточить.

В те двадцатые годы в Берлине было множество киностудий. Под них приспособивали буквально каждый амбар. Покупалось поношенное оборудование, наспех лепились немудреные сюжетики, и вот — кино готово. Марлен, движимая страстью стать знаменитой, как в омут бросилась в съемочный процесс. Она не отказывалась ни от какой роли. Невероятно собранная, организованная, она распределяла свои дни так, что оставалось время и для веселых пирушек и для киносъемок. Чаще всего Марлен снималась на небольшой, но уже перспективной киностудии UFA.

Ее название расшифровывалось так: Универсал Фильм Акциенгезельшафт. Сначала это

была небольшая студия, но в 1926 году в Бабльсберге строится просторный (по тем временам) кинопавильон, оснащается первоклассным оборудованием и начинается производство фильмов. Фатерлянду нужны были свои, немецкие фильмы.

В павильоне этой студии произошла встреча Рудольфа Зибера, молодого, подающего надежды ассистента режиссера, с Марлен Дитрих. Он искал актрису на роль легкомысленной девицы и пришел в актерскую школу Рейнхардта. Зибер прослушивал нескольких девушек, и его внимание привлекла Марлен. Он сделал несколько профессиональных указаний и попросил ее прийти на следующий день. Увидев ее, молоденькую девушку, в смешном костюме дамы полусвета, с моноклем в глазу, Зибер от души расхохотался и утвердил ее на роль.

Марлен была очень горда тем, что он выбрал ее. Зибер ей понравился с первой встречи, а увидев его во второй раз, она влюбилась в него.

Съемки длились три дня, Марлен была счастлива, она влюбленными глазами смотрела на Зибера, следовала каждому его указанию, а в конце съемок сказала матери: «Я встретила человека, за которого хотела бы выйти замуж». У Джозефины это заявление не вызвало восторга, но она знала свою упрямую дочь, и даже не пыталась противоречить. Более того, она собственноручно

сплела миртовый венок, который Марлен надела во время венчания. Все было очень красиво, как и подобает в достойных семьях. Церковь была заполнена до отказа, присутствовали все члены семьи — в военном и штатском. Невеста была чудо как хороша, она плакала от переполнявших ее чувств, жених сохранял спокойствие — сентиментальности он предпочитал сдержанность.

Марлен вскоре почувствовала себя будущей матерью и целиком отдалась этому чувству. Они вместе с Рудольфом выбрали имя будущему ребенку — Мария.

«В крике и страданиях я произвела на свет свою дочь... Она была нашим счастьем. Вся вселенная как бы перевернулась. Все сосредоточилось на одном: на ребенке в детской кроватке. Ничего не осталось от прежней жизни. Все сконцентрировалось на этом чуде, которое лежало на маленькой белой, особо выстиранной простынке и тихо дышало. Подарок небес!»

Малышка росла, и Марлен снова могла вернуться к своей работе в кино и театре, снимаясь в небольших эпизодах, а иногда ей поручали даже маленькие роли в театральных спектаклях. В одном из них, под названием «Два галстука», Марлен играла американскую даму, которая появлялась на сцене с одной-единственной репликой: «Могу я вас попросить сегодня вечером поужинать со мной?»

Так, пожалуй, продолжалось бы и дальше. Пухленькая симпатичная немецкая актрисочка играла маленькие роли, снималась в небольших эпизодах, растила бы свою единственную дочь Марию и восхищалась мужем Рудольфом Зибером, дела которого шли очень неплохо.

Но Судьба распорядилась иначе. Она решила превратить любительницу ячменного супа, толстых сарделек и пирожных в Голубого Ангела и для осуществления своего замысла отправила невысокого, лысоватого Джозефа фон Штернберга, талантливого голливудского кинорежиссера в Берлин. Он должен был найти актрису для студии «Парамаунт», она должна была затмить норвежскую красавицу Грету Гарбо, которая была гордостью студии Метро-Голдуин-Мейер.

ПИГМАЛИОН НАШЕЛ СВОЮ ГАЛАТЕЮ

Йонас Штернберг родился в 1894 году в Вене. Его отец Моисей Штернберг был, как тогда говорили, предпринимателем, то есть, брался за любую работу, приносящую хоть какой-нибудь доход.

Йонас, или как он себя называл на американский манер, Джозеф, перебивался случайными заработками, помогая семье. Отслужив

два года в армии в 1917 году, Джозеф в 1923 году перебирается в Голливуд, где работает ассистентом у нескольких режиссеров, постигая основы и тайны киноремесла.

Упорный, настойчивый молодой человек вскоре получает возможность снять свой первый фильм «Охотники за спасением» (The Salvation Hunters). Этот фильм получил неожиданный успех, и Штернберг заключил контракт с Metro-Goldwyn Meyer. Так как продюсеры любят громкие имена, Штернберг добавил к своему имени аристократическую частичку «фон».

Его фильмы пользуются успехом. Несколько лет Штернберг работает на голливудской студии «Парамаунт». Там он снимает и свой первый звуковой фильм «Гром и молния»

(Thunderbolt).

Его мастерство совершенствуется, он досконально изучает возможности кинокамеры, светотени. *«Он был главнокомандующим фильма, его создателем в полном смысле слова», — говорила о Штернберге Марлен Дитрих, — он лучше всех знал технику, руководил ею, лучше всех знал как поставить свет. Боготворили его и подчинялись ему все...»*

Этого невысокого, молчаливого человека, великого мастера, недаром называли «Рембрандтом камеры». Ведь внимание гениального голландца

было обращено главным образом на передачу света и тени.

Джозеф Штернберг минимальными средствами превращал самые скромные вещи в роскошные предметы, вещи на экране у него выглядели всегда дороже, эффектнее, богаче чем они были в жизни. Достигал он этого, в основном, при помощи освещения. Он досконально знал как обрабатывать пленку, был непревзойденным мастером монтажа, многие операторы учились у него.

Вот такой человек появился в 1929 году в Берлине. Слух о том, что приехал знаменитый голливудский режиссер и собирается снимать фильм «Голубой ангел» (Der Blaue Engel) по роману Генриха Манна «Учитель Унрат» облетел весь артистический Берлин. Особенно волновались дамы-актрисы: режиссер искал исполнительницу на роль Лолы-Лолы, певички из дешевого кабаре.

Больше всего шансов было у известной актрисы Люции Маннхайн. Но Штернберг был не очень доволен этим выбором и продолжал поиски. Марлен Дитрих он увидел в спектакле «Два галстука». Помните — там, где она произносила единственную фразу. Режиссер не мог оторвать от нее глаз. Марлен привлекла его, он интуитивно почувствовал, что нашел свою героиню. В тот вечер

он покидал театр с твердым убеждением, что именно она будет сниматься в фильме.

Когда она пришла на кинопробу, он попросил ее пойти в гардеробную и выбрать себе костюм, который бы отображал характер будущей героини — певички дешевого кабаре. Марлен долго копалась в грудe одежды и наконец явилась перед фон Штернбергом в черном цилиндре, корсете и черных чулках. Она создала точный образ Лолы-Лолы, он стал отображением целой эпохи. С тех пор Марлен Дитрих всегда сама создавала свои знаменитые костюмы, работая в тесном содружестве с лучшими дизайнерами. Но вернемся на студию УФА и посмотрим как развивались события.

А дальше произошло вот что:

«Фон Штернберг предложил мне сесть на рояль, прислушать один чулок и спеть песню, которую я должна была приготовить. Никакой песни у меня не было, равно как и шансов на получение роли. Так я считала...», — вспоминала Марлен Дитрих.

Режиссер был терпелив: «Если вы не приготовили ни одной песни, хотя мы об этом вас просили — спойте ту, которая вам больше всего нравится».

— Мне нравится одна американская песня...

— Спойте ее.